

Катков Пётр Фёдорович

ЗЕЛЕНЬКИЙ ТАНК, ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ,
БЕЛЫЙ СНЕГ, КРАСНАЯ КРОВЬ

Родился 28 июля 1921 года в Тульской области Плавского района в селе Ново-Никольское. По национальности русский.

Нельзя сказать, что я верующий, в церковь не хожу, молитв не знаю, но я и не атеист. Мне ведь никто не доказал, что Бога нет.

Что касается партийности, то я был беспартийным до 1964 года. Не вступал я в партию так долго потому, что слишком уж не соответствовали те люди (члены партии), которых я знал, целям, идеалам партии.

Я учился в московской школе № 608, закончил ее поздно, мне исполнилось к тому времени почти 20 лет. На дворе стоял июнь 1941 года.

Мы, конечно, знали о приближающейся войне. Ходили разные слухи, но толком ничего не было известно. Война представлялась нам чем-то далеким, неясным, и жизнь шла своим чередом.

Наступило долгожданное 21 июня. Это был праздник для всего нашего 10 класса. Наконец-то мы стали выпускниками. Всю ночь я гулял со своими одноклассниками, среди которых была и моя будущая жена Татьяна Сергеевна. А утром меня разбудил младший брат: «Вставай, война началась».

Практически сразу после школы, 10 июля меня призвали в армию и направили в авиационное училище, где забраковали по зрению (точнее, по цветоощущению). Тогда я был направлен в Челябинское танковое училище (ЧТУ), которое только создавалось.

Нас разместили в огромных казармах, где ранее располагалась артиллерийская часть на конной тяге. Рядом находился Челябинский тракторный завод, который быстро перестроили под танковый. Благодаря этому заводу, мы быстро оснастили наше училище материальной частью танков, и нас начали учить. Учителя очень достойные, и им удалось в итоге многому научить нас.

Сначала нас готовили на водителей-механиков танков КВ. Это было наше секретное оружие. Танков этих было выпущено всего 636 единиц. Людей же, разбирающихся в них и умеющих управлять ими, катастрофически не хватало по причине строжайшей секретности. Это была огромная, неповоротливая машина, наводившая на фашистов ужас. Имея пушки максимум 47-го калибра, они не могли причинить нашему танку никакого вреда, в то время как сам танк имел пушку 122-го калибра и разносил все препятствия на своем пути в щепки.

Однако немцы быстро научились поражать эти танки. Тогда нас стали готовить не на водителей, а на заместителей командиров танковой роты по технической части.

Первую сотню наиболее отличившихся выпустили досрочно, среди них находился и я. Нас направили на Воронежский фронт.

По прибытии на место, меня и еще троих моих друзей назначили по непонятной причине командирами танков Т-34, хотя мы были техниками.

На первой линии обороны вообще жилось напряженно. Головы поднять нельзя из-за снайперского огня. Враг-то совсем рядом, нас с ним разделяют каких-нибудь 700 метров. Один солдат из нашей части однажды в грозу и в полной темноте угодил на передовую к немцам. Но ему тогда крупно повезло. В укрытии сидели два поляка, а их начальник немец тогда почему-то отсутствовал. Так они нашего солдата отпустили и как до своих дойти рассказали.

А в свою первую атаку я сходил только с третьего раза. Фашисты знали о предстоящих вылазках от перебежчиков и каждый раз упреждали момент атаки мощным артиллерийским огнем. Сколько лет прошло, а рев этот до сих пор в ушах стоит. В своей первой атаке я ничего не увидел и не услышал. Только однажды как будто какой-нибудь силач изо всех сил ударил по броне кувалдой. Это мина наш танк задела.

После этого боя приехал командир осматривать наши танки. Он был очень удивлен, узнав, что танками командуют механики, в то время как у него в резерве полная палатка командиров танков, которые ждут машин. Так я был переведен на свое законное место. Назначили меня зам. командира роты по технической части. Так в составе 162 танковой бригады я прошел всю войну.

Мой боевой путь был таков: Воронеж, Киев, Новоград-Волынский, Ровно, Луцк, Броды, Немиров, Глогоау, Губен, Берлин, Прага, Ракковник.

За всю войну меня ранило дважды. Первый случай произошел в июле 1942 г.

Как-то сидели мы с друзьями около танка и травили байки. Вдруг что-то сильно ударило меня в правую щеку, и я почувствовал резкую боль. Ну, думаю, полголовы отхватило. Смотрю, правый глаз (с той стороны, куда меня ранило) видит. Значит, еще ничего, повезло. Оказалось, кусок пули рикошетом отскочил от танка мне в щеку. Ребята меня сами кое-как перебинтовали, врача нет, есть только фельдшер, да и его не найдешь. Промаялся я так весь день. К вечеру пришло время нам отходить на вторую линию обороны. Там пришел фельдшер, осмотрел рану и велел собираться в санчасть. Рану надо было зашивать. Нам как раз привезли на машине обед. На этом грузовике я был отправлен в эвакогоспиталь.

Госпиталь находился на станции Графская, примерно в 40 км. от Воронежа. Врач, осмотрев рану, покачал головой и сказал, что зашивать поздно: ткань уже не срастется, но все-таки решил попробовать и наложил швы. Шил без заморозки, конечно, так что я еле вытерпел. Таким образом, провел я в санчасти дней десять, рана, к удивлению врача, начала затягиваться. Тут однополчане, прибывшие в тот же госпиталь, сообщили мне, что наша часть меняет позиции. Хуже ничего не придумаешь, чем от своих отстать. И я решил догонять свою часть как можно скорее. Врач, конечно, отпускать не хотел, но потом все-таки выдал мне документы. Изрядно пришлось мне поблуждать по нашему тылу, прежде чем удалось найти своих.

Второе легкое ранение левой ноги я получил в Карпатах. Это произошло 11 октября 1944 года. На привале мы сделали укрытие на случай обстрела: наехали танком на подвал сгоревшего дома. Во время обеда начался минометный обстрел. Когда я залезал под танк, рядом разорвалась мина, осколок от нее ранил меня в ногу. И на этот раз мне опять повезло: осколок был уже на излете. То, что меня ранит, я

предчувствовал: несколько ночей подряд перед ранением мне снились не-хорошие сны.

Я был отправлен на лечение в военную часть № 356. Оттуда, опять по причине смены позиций нашей части, меня направили в стационарный госпиталь, в Польше, бывший санаторий. Через три недели я был снова здоров.

На войне погибло много моих однополчан, но не все пали в бою, многие из них погибли из-за недисциплинированности наших командиров. Я хочу рассказать об одном из таких случаев, который произошел под селом Чоповичи.

Был у нас в части танк, мы его называли «подарок сыну». Этот танк родители подарили своему сыну. Много прошел этот танк. Он был один из трех, кто вышел из рейда в тыл к немцам в Курской битве. С тех пор танк берегли как реликвию и старались не пускать его в бой. Танк стоял у нас в части и был чем-то вроде памятника. Во время обстрела мы обычно прятались за ним от пуль и осколков.

Однажды во время обстрела фашистский пулеметчик подошел совсем близко и начал обстреливать наш танк, а в танке в это время находился начальник штаба батальона Карпенко. Не подумав, что сзади могут быть люди, он приказал дать задний ход. Я едва успел отскочить, а некоторых из наших солдат задавило и покалечило. Этот случай тогда замаяли, не стали обсуждать даже на собрании. Задавило тогда и моего близкого друга механика-регулировщика старшину И. А. Вандышева. Мне потом сказали, что похоронили его в каком-то огороде, под ветлой. Я уже и родным его написал, как вдруг через полгода увидел в штабе его письмо, через некоторое время и я получил от него известие.

Выяснилось, что задавило моего друга тогда не насмерть, но остался он инвалидом на всю жизнь. Друг мне тогда написал, что таким калеккой он никому не нужен, и если уж родные считают его погибшим, то уж пусть лучше он для них погибшим и останется. После этого письма связь прервалась на двадцать лет. И только много лет спустя, к двадцатилетию Дня Победы, я написал письмо по его старому адресу, для родных, которых уже к тому времени, как оказалось, не было. Моя открытка пролежала на почте несколько месяцев, пока один знакомый моего друга не оказался в том городе по каким-то своим делам. Он увидел мою открытку и привез ее другу. Он написал мне очень большое теплое письмо, приглашал в гости. Переписка снова завязалась.

Еще хочу упомянуть об одном исторически важном эпизоде. А именно то, что наша часть брала Власова. Потом появились различные версии этого события. Непосредственно взял его капитан М. И. Якушов. Бывший командир мотострелкового батальона 162 бригады. Это произошло 15 мая 1945 года.

Война закончилась давно, но некоторые картины войны навсегда врезались мне в память. Они до сих пор стоят передо мной. Одну из них я увидел на Украине, весной. Как-то после боя мы с командиром пошли осматривать танки. На пригорке мы увидели наш подбитый танк, люки у него были открыты. Снег к тому времени почти весь стаял, обнажив черную, жирную землю, но за танком, в ложбине, еще было большое пятно белого, рыхлого, как сметана, снега. На снегу лежал, широко раскинув руки, командир танка. Он был в черном, как земля вокруг, танкистском комбинезоне, в отброшенной руке его был зажат белый окровавленный платок. Танкист был мертв. Этот контраст цветов: зеленый танк, черная земля, белый снег, красная кровь – этот контраст между жизнью и смертью навсегда врезался мне в память.

И вторую картину я тоже увидел в конце войны в Германии. На небе сияло солнце, пели птицы, деревья выпустили первые зеленые листочки. На опушке стоял деревенский дом. Он был такой легкий, поющий, такого нежного весеннего цвета, что, казалось, он сам, как почка на дереве, распустился этой весной. Перед домом лежали навзничь три молодых немецких офицера. Они были в новой, с иголки в форме, аккуратные, подтянутые. Кто и за что расстрелял их, я не знаю, но смерть этих молодых ребят, так несовместная с распускающейся жизнью вокруг, навсегда поразила меня.

Война закончилась для меня под Прагой 15 мая 1945 года. Некоторое время я путешествовал по Европе, а затем из Венгрии вернулся в Москву.

Я получил 24 медали и 4 ордена:

- орден Отечественной войны 1-й степени №512482. Этот орден получен мною 11 марта 1985 года в ознаменование сорокалетия нашей победы в Великой Отечественной войне.
- орден Отечественной войны 2-й степени №546155. Этот орден я получил в апреле 1945 года в Германии за восстановление собственными руками двух танков, которые по всем расчетам никакому восстановлению уже не подлежали.

С этим орденом также связана одна история. Дело было в немецком городке Глогау. На вражеской территории стоял наш подбитый танк. Немцы в расчете на то, что мы захотим эвакуировать танк, заминировали его. Но нам удалось подсмотреть за их маневром. Поэтому на следующую ночь мы не стали оттаскивать подбитый танк тягачом, а зацепили его тросом, спрятались за углом дома и оттащили его к себе за угол. Немцы, конечно, когда сообразили, что происходит, открыли огонь, но тут уж стреляй не стреляй, а ничего не поделаешь. Танк был наш.

- орден Красной Звезды №627293. Это орден был получен мною весной 1944 года за образцовое выполнение приказа командования по восстановлению танков. В это время на фронте очень не хватало танков, многие были выведены из строя. Мною было восстановлено и отправлено на передовую шесть машин
- орден Красной Звезды №34517198. Получен мною в 1951 году за выслугу лет во время службы в Советской армии.
- две медали «За боевые заслуги». Одна из них получена за выслугу лет в 1946 году, другая – за выполнение интернационального долга в ОРЕ (Египет) в 1971 г.
- медаль «За взятие Берлина», «За безупречную службу» 1-й степени, медаль Президента Чехословацкой Республики в связи с двадцатилетием Словацкого восстания и др.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Леонов Дмитрий Дмитриевич*, студент 3-го курса Московского авиационного института.